

— Что это у тебя в руках? — спросил Дуань Цифэн.

— Краски, мне одноклассник подарил, дядюшка, посмотрите, какие красивые, — Кан Янь снял влажную салфетку, чтобы показать дядюшке Дуаню.

Дуань Цифэн увидел, что тюбики помяты, и слегка нахмурился. Кан Янь подумал, что дядюшке не понравилось, и поспешно сказал:

— Дядюшка, я сейчас их уберу.

— Угу, спускайся ужинать, не задерживайся.

На ужин были острые пельмени с закуской — пельменями с креветками.

У Кан Яня вкусовые предпочтения довольно пресные, но именно это блюдо он особенно любил. Ел он так, что губы покраснели от остроты, а на кончике носа выступил пот. Увидев это, в глазах Дуань Цифэна промелькнула усмешка, он протянул салфетку:

— Ешь помедленнее, не подавись.

— Дядюшка, как же остро! — у Кан Яня от остроты глаза покраснели и наполнились влагой.

— Вполне нормально, — Дуань Цифэн не находил это острым, съедая по пельменю за раз.

Кан Янь смотрел на него с полным восхищением: дядюшка Дуань такой крутой!

После ужина поболтали в гостиной.

Как обычно, Дуань Цифэн спросил, как у Кан Яня дела на дополнительных занятиях. Кан Янь отвечал на все вопросы по порядку. Дуань Цифэн знал, что Кан Янь слишком давит на себя, и сказал:

— Здоровье важнее, учись не торопясь.

— Хорошо, — покорно ответил Кан Янь.

Но Дуань Цифэн понимал, что это бесполезно: Кан Янь на словах соглашается, но в глубине души он упрям и постоянно сам с собой соревнуется.

— Не засиживайся допоздна.

Кан Янь вспомнил, как дядюшка застукал его под одеялом, и покраснел от стыда, торопливо ответил:

— Не буду, не буду, правда, больше не буду засиживаться.

— Угу.

Пробыли так до девяти, после чего Дуань Цифэн отправился в спортзал. Кан Янь же пошел в кабинет на первом этаже делать домашние задания и учиться. Сейчас он изучал гуманитарные науки: с китайским языком еще более-менее, а вот математика и английский по-прежнему не улучшались. Теперь добавились история и политология, которые нужно зубрить. Сидя за столом, Кан Янь смотрел на сплошные ряды иероглифов, которые, казалось, обрели ноги и готовы были разбежаться. Немного почитаешь — и в голове уже путаница между историей и

политологией.

Кан Янь долго и упорно зубрил, но результат был ничтожным, расслабляться же он не смел — в пятницу будет проверочная работа на уроке.

В половине одиннадцатого Дуань Цифэн постучал, веля Кан Яню идти умываться и спать. Собрав портфель, Кан Янь увидел, что дядюшка в обтягивающей майке, уже промокшей от пота, которая подчеркивала его прекрасную фигуру. Кончики ушей Кан Яня незаметно покраснели, он кивнул и сказал:

— Дядюшка, я пошел спать, спокойной ночи.

— Угу, спокойной ночи, — Дуань Цифэн поднял голову и погладил Кан Яня по голове.

Вернувшись в комнату, Кан Янь потрогал свою голову, о чем-то задумался, уши его дрогнули, и он поспешил умыться.

Помывшись и переодевшись в пижаму, он лег в постель почти в одиннадцать. Кан Янь выключил свет, закрыл глаза, собираясь спать, но, повернувшись на бок, взгляд его упал на три помятых тюбика с красками на комод. В темноте они словно светились, притягивая взгляд Кан Яня.

Уже одиннадцать.

Пора спать.

Кан Янь твердил себе это в голове, но взгляд не отводил, думая, я только посмотрю, совсем чуть-чуть, и сразу спать, дядюшка не заметит...

Крадучись, он слез с кровати, не смея включить свет. За окном накопившийся толстый слой снега отсвечивал, сквозь стекло пробивался слабый свет.

Дуань Цифэн закончил дела почти под утро. Раньше у него не было привычки проверять, спит ли Кан Янь, ведь тому скоро восемнадцать, почти взрослый. Но в прошлый раз он обнаружил, что в два с лишним ночи Кан Янь еще сидел под одеялом со смартфоном, зубря слова. Разве можно так оставлять без присмотра?

Дверь повернулась.

Щелк —

Зажегся свет.

Кан Янь у кровати от испуга весь вздрогнул, дрожа, обернулся и, увидев хмурое, разгневанное лицо дядюшки Дуаня, опустил голову и виновато прошептал:

— Дядюшка, я виноват, я только хотел немножко поиграть.

— Уже за полночь, — холодно произнес Дуань Цифэн.

Кан Янь ахнул, в глазах его мелькнуло недоумение:

— Ч-час прошел? — Ему казалось, что он играл совсем чуть-чуть.

— Уже второй раз, — Дуань Цифэн не любил недисциплинированных людей, особенно тех, кто раз за разом ошибается в мелочах.

Кан Янь уловил в тоне дядюшки Дуаня гнев и разочарование, испугался, что тот рассердится и перестанет с ним общаться. На душе стало тревожно и горько, хотел объясниться, но не знал как, ведь это он ошибся. Дядюшка Дуань запрещал ему засиживаться допоздна, велел раньше ложиться отдыхать — все ради его же блага, а он не послушался.

— Дядюшка, я виноват, можно я постою в углу в наказание?

Услышав, как дрожит от страха голос Кан Яня, гнев в душе Дуань Цифэна почти утих, но просто так отпустить он не хотел. Стояние в углу не даст эффекта, нужно изменить наказание.

— Раз ты не запоминаешь, будем наказывать шлепками по заднице.

Кан Янь поднял на дядюшку Дуаня покрасневшие, готовые расплакаться глаза, ахнул и залепетал:

— Ш-шлепки по заднице? — Лицо его пылало краской, на этот раз от стыда. Но подумав, что если его отшлепают и накажут, дядюшка Дуань перестанет сердиться, он смирился: ш-шлепайте, так шлепайте.

— Шлепайте.

Кан Янь, словно воин, готовый отрубить себе руку, набрался смелости, но все лицо, включая шею, было алым. Ему почти восемнадцать, а его все еще будут шлепать по заднице — любой бы счел это позорным и неловким. Кан Янь тоже, но, подумав, что рассердил дядюшку Дуаня и его могут выгнать, он ужасно испугался.

Меньше чем за месяц Кан Янь уже успел полюбить это место. Любил, как Сяо Лю составлял ему компанию, играл с ним, любил пирожные, которые готовила экономка тетюшка Ван, и больше всего любил, как каждый вечер дядюшка Дуань находил время поболтать с ним и проявить заботу.

— Дядюшка, отшлепайте меня и не сердитесь больше, — Кан Янь разжал руку, державшуюся за штаны пижамы, и медленно подошел к Дуань Цифэну.

На самом деле, сказав это и увидев состояние Кан Яня, Дуань Цифэн уже немного пожалел — не стоило говорить о наказании ребенка. Сам по себе Кан Янь был скромным и неуверенным в себе, а Дуань Цифэн изначально хотел воспитать его уверенным и жизнерадостным, к тому же он мальчик, шалости и озорство для него обычное дело.

Не стоило предъявлять к Кан Яню требования взрослого мира.

— Не буду шлепать, — сказал Дуань Цифэн.

Кан Янь испугался, решив, что дядюшка Дуань разочаровался в нем и больше не хочет его, и взмолился:

— Шлепайте меня, дядюшка, — уже наклонился, готовясь к удару.

Дуань Цифэн схватил его за руку. Сердце Кан Яня стало похоже на снежную погоду за окном: раз даже шлепать не хочет, значит, дядюшка Дуань и правда рассердился. Прикусив губу, он

почувствовал, что бесстыдно хочет остаться, хотя дядюшка его так презирает. Не сдержавшись, тихо проговорил:

— Дядюшка, не прогоняйте меня, я всегда буду вас слушаться, больше не буду засиживаться допоздна, умоляю, не прогоняйте меня. Или я могу здесь прислугой работать, дядюшка...

В голосе его слышались рыдания, он опустил голову, и слезы каплями падали на тыльную сторону руки Дуань Цифэна.

Дуань Цифэн взял Кан Яня за щеку, увидел все лицо в слезах и полные крайнего страха, растерянности и беспомощности глаза. Его ледяное, застывшее сердце вдруг начало постепенно таять. Он думал, что за это время общения Кан Янь уже почувствовал свою принадлежность сюда. Теперь это чувство было, но Кан Янь не ощущал уверенности и боялся еще сильнее.

Боялся, что его бросят.

Дуань Цифэн вспомнил себя в прошлом, его тоже когда-то бросали. От него повеяло холодом, Кан Янь почувствовал это и весь затрясся, а затем ощутил незнакомое, но знакомое тепло — дядюшка, кажется... об-обнял его?

— Это я виноват, дядюшка не будет тебя бить, и больше никогда не станет наказывать, — мягко произнес Дуань Цифэн, обнимая худенького, напуганного до дрожи, заледеневшего Кан Яня, неловко, но нежно поглаживая его по спине, и пообещал:

— Что бы ни случилось, дядюшка никогда не прогонит тебя. Это твой дом, ты здесь хозяин.

Кан Янь не сдержался и разрыдался, снова и снова повторяя «дядюшка».

Дуань Цифэн так и держал Кан Яня на руках, без тени нетерпения, терпеливо, раз за разом уверяя, что не уйдет, что, какую бы ошибку Кан Янь ни совершил, он не уйдет, что это его дом.

Прошло много времени.

Кан Янь перестал плакать, лишь изредка всхлипывая, и наконец осознал, что вел себя как ребенок: полвечера рыдал в объятиях дядюшки Дуана, а тот его утешал. Ему стало немного стыдно, сильным голосом он тихо проговорил:

— Дядюшка, я буду вас слушаться.

— Просто будь собой, не обязательно кого-то слушаться, — погладив Кан Яня по голове, сказал Дуань Цифэн.

Кан Янь промолчал. Дуань Цифэн с одного взгляда понял, что на этот раз сильно напугал мальчика. Нет ничего жестокее, чем дать человеку надежду, а затем разрушить ее, — а он только что так и поступил.

— Ладно, покажи, во что ты только что играл? — Дуань Цифэн сменил тему. В конце концов, впереди еще много времени, в воспитании ребенка можно разбираться постепенно.

— Я пальцами как попало малевал, все в беспорядке, дядюшка, не смотрите, — Кан Янь немного смутился.

* * *

Авторское примечание: В этой главе ключевой момент: у Кан Яня большая сила, в будущем сможет сам принимать лекарства улыбается.

На данном этапе: Кан Янь восхищается дядюшкой Дуанем, льет ему комплименты без меры.

Дядюшка Дуань и правда воспитывает Кан Яня как ребенка, без дурных мыслей.

После анонса прошлой главы все так активно комментировали.

Я: Так и подмывает сделать анонс, но боюсь опозориться ладно, ладно.

Еще говорят, придут ловить, когда Кан Яню будет 23, вы что, дьяволы? Обнимаю свою пухленькую себя.

Спокойной ночи, чмоки-чмоки!

<http://bllate.org/book/15594/1390423>